

УДК 81'282.2, 81'42
DOI: 10.17223/19986645/65/2

С.В. Волошина

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «МЕДВЕДЬ» В ДИАЛЕКТНОМ ДИСКУРСЕ¹

Рассматриваются языковые средства, участвующие в вербализации концепта «Медведь», а также его признаковая структура, образные и ценностные интерпретации. Материалом являются тексты, записанные на территории распространения русских старожильческих говоров Среднего Приобья. Выявлено, что медведь выступает как сфера-источник и как сфера-мишень в ряду образных интерпретаций; это прежде всего хищное, умное, опасное животное, обладающее разрушительной силой, и охота на медведей имеет утилитарное значение.

Ключевые слова: *концепт, диалектный дискурс, медведь, диалектная коммуникация, говоры Среднего Приобья.*

Концепт «Медведь» – лингвокультурный концепт, символизирующий Россию и Сибирь в частности, входящий в более крупное образование – концепт «Природа». Концепт изучали на материале разных языков и вариантов русского языка: литературного языка и диалектного. Он рассматривался как способ самоидентификации личности в условиях глобализации [1], стереотип о медведе – как прием политической риторики [2], его интрафона и экстрафона изучалась на материале словаря В.И. Даля [3], реконструировался архетипический образ медведя в духовной культуре народов России [4], проводились исследования этого концепта в якутской языковой картине мира [5], в русской и итальянской языковых картинах мира [6], разносистемных языках (русском, французском, английском, кабардино-черкесском, карачаево-балкарском) [7]. В работах диалектологов описаны номинации медведя в русских говорах в целом [8, 9], а также в ивановских [10], тамбовских [11], архангельских говорах [12].

Целью данной статьи является описание концепта «Медведь», функционирующего в говорах Среднего Приобья.

Материал исследования – диалектные тексты, записанные в результате диалектологических экспедиций с 1940-х гг. по 2019 г. на территории распространения старожильческих говоров Среднего Приобья. Источником материала послужили тексты Томского диалектного корпуса (<http://losl.tsu.ru/?q=corpus>), данные Словаря русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби [13], Вершининского словаря [14], Полного словаря диалектной языковой личности [15], Словаря образных

¹ Статья написана в рамках научного проекта «Природный мир Сибири в зеркале диалекта» (№ 8.1.05.2019), выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

единиц сибирского говора [16], а также аудиозаписи речи диалектоносителей, сделанные в том числе автором исследования в результате экспедиции в с. Первомайское Первомайского района Томской области в 2008 г., в с. Мельниково Шегарского района Томской области в 2017–2019 гг.

Актуальность темы обусловлена экстралингвистическими и лингвистическими факторами. С одной стороны, тематика «природный мир» занимает одно из лидирующих мест в имеющихся материалах, о чем свидетельствует тематическая разметка Томского диалектного корпуса [17. С. 201], с другой стороны, на материале говоров Среднего Приобья в меньшей степени исследованы концепты, отражающие природный мир в целом и Сибири в частности: так, к настоящему моменту описаны концепты «Земля» [18], «Корова» и «Картошка» [19], «Болото» [20], а также концепты, которые отчасти отражают представления о природном мире – «Сибирь» [21], «Ссылка» [22], «Хлеб» [23]. Кроме этого, процессы урбанизации, экологические проблемы, механизация ручного труда, вырубка лесов и т.п. приводят к изменению отношения человека к природе, что чрезвычайно важно для жителей деревень и сел, где традиционно природа являлась источником жизнедеятельности и материального благополучия. Исследование концептов природного мира даст возможность выявить трансформации в изменении отношения человека к природе. Так, хронологические границы материала, представляющие отрезок времени более 75 лет, позволяют проанализировать представления о медведях на протяжении всего XX в. и выделить динамику в содержании данного концепта.

Концепт – это единица сознания, которая репрезентируется средствами языка. Как отмечает Ю.С. Степанов, концепты существуют в сознании (в ментальном мире) человека, и тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций и переживаний, которые сопровождают слово, и есть концепт [24. С. 43].

Методика анализа концепта «Медведь» базируется, с одной стороны, на выделении в структуре исследуемого концепта понятийного, образного и аксиологического слоя [25]. С другой стороны, при описании его образного слоя используется методология теории концептуальной метафоры и термины в соответствии со сложившейся в этой теории традицией, см., например, [26–28] и др.

В располагаемом нами материале выбирались контексты с лексемами «медведь» / «медведица» и их дериватами и единицами, которые являются компонентами представлений о медведе, анализировались сочетаемость обозначенных лексем, их системные связи (синонимия, полисемия), рассматривалась семантика этих единиц и высказываний. То есть содержательная сторона концепта моделировалась с использованием контекстуального анализа.

Понятийный слой концепта «Медведь». Понятийный слой концепта – это варианты его обозначения, описания, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики по отношению к тому или иному концепту [25. С. 107].

Согласно данным Вершининского словаря «медведь – хищное животное с крупным неуклюжим телом, покрытым густой шерстью, и короткими ногами» [14. С. 288]. В Полном словаре диалектной языковой личности зафиксировано следующее значение: «медведь – крупное хищное животное с густой бурой шерстью» [15. С. 158].

Для номинации исследуемого концепта используются следующие лексические единицы (фонетические варианты): *медведь*, *ведмедь*, *медмедь* и образованные от него слова *медведишка*, *медведок*, *медведица*, *медвежица*, *медведиха*, *медвежига*, *медвежиха*, *медведка*, *медва*, *медвежонок*. Существующие номинации отражают мифологические представления о медведе, согласно которым нельзя было называть это животное прямым наименованием, иначе можно вызвать его появление, а необходимо использовать эвфемистические средства: «архаичный медвежий культ привел, как известно, к табуированию имени хозяина леса, которого стали называть индифференциально *мед ведающий* – *медведь*» [29. С. 182–183]. Вместе с указанными наименованиями в диалектных текстах встречаются номинации медведя, подвергшиеся вторичному табуированию: *зверь*, *зверье*, *косолапый*, *Михаил Иванович*, *таежник*, *черный зверь*, *медовицк*, *муравей*, *муравейный зверь*, *муравейник*, *муравинник*, *муравятник*, *муравьед*, *бродяга*, *блудня*, *лоншак*, *пестун*, *щенок*, *щененок (ишененок)*, *хозяин тайги*, *шатун звериха*, *зверица*, *матуха*, *матка*.

Среди лексем, участвующих в вербализации изучаемого концепта, следует отметить производные от его названия слова: *медвежий*, *медвежатина*, а также лексем, связанные с охотой на медведей: *медвежатник* (охотник на медведя), *копье* (нож для охоты на медведя), *кулема (кулемка, кулена)* (ловушка на медведя в виде треугольного сруба с воротцами, в которых насторожено бревно), *лабаз (лабуз)*, *мертьяк* (ловушка на медведя), *накатник* (часть кулемы, состоящая из скрепленных бревен, которые прижимают медведя), *пальма' (пальмо)* (род копья или кинжала на длинном черене для охоты на медведя), *петля*, *рогатина*, которые демонстрируют связь изучаемого концепта с концептом «Охота» и являются компонентом представлений о медведе: *На медведя накатник делали: бревна накладывают в два ряда, вкапываются два столба, на них кладется перекладина, под ней столбы помещаются...; На острове' был медведь... Петли делали из стальных тросиков. Мертьяки делали – рубили струб. Он зайдет мясо исть – заманку, иглица его придавят; Старые люди петли ставили, зверь за шею и попадался. Наряду с этими единицами концепт «Медведь» репрезентируют также слова *берлога (берлог)*, *спячка*, *лес*, *тайга*, *Сибирь*: *Вход в берлогу «берлогий» называли или «устьем» ешио говорят, куда залазит он; [тятин брат] все рассказывал про Россию да помещиков. Работали, придет приказный. Забракуют копейку. Увезет ее да не заплотит. Злы помещики одолевали. Там ему уговорили: «Че едешь в Сибирь. Там комары, да помещики, да медведи».**

Большое количество единиц, участвующих в номинации и вербализации исследуемого концепта, свидетельствует, на наш взгляд, о значимости

и, соответственно, разработанности данного фрагмента языковой картины мира сибирских крестьян.

В названиях медведя, как видно, выделяются, с одной стороны, общие номинации этого животного (медведь, зверь, медмедь, ведмедь, Михаил Иванович, медведица, медвежиха и др.): *Я ехала на обласке встречать маму. Ехала, пела, во всю глотку пела. Взглянула – медведь стоял. Я как приузрела...; Да, медведя кто и зверем зовет, а то и черным зверем – а не все ли равно – эт ведь одно и то же; Мы один раз с бабушкой пошли в лес по ягоды. Баба, тетка пошла. А голубицы полны, она как ободралась, как заревет благим матом: «Медведь встал!». А баба говорит: «Михаил Иванович! Иди, тебе дорога, нам – другая»; Зверем остячье медведе'й называла. Слово медведь тогда вообще не знали, так и говорили: «зверовать пошли»; Они стали караулить, ну пришла эта медвежи'ха, вышла. И они ее убили, а медвежонка взяли живого, медвежонка; Медведей добывал, двух ма'тков с двумя детьми. По три даже бывают в одном берлоге, три детенка там.*

С другой стороны, отмечены номинации медведей, указывающие на отдельные признаки и обозначающие их:

– место проживания: таежник, хозяин тайги: **Таежник** у нас зовут медведь. Вот он таежник, он в тайге живет, поэтому он таежник. А кто больше?; Лося соха'тым называют, а медведя черным зверем или же **хозя'ином тайги**;

– возраст: зверье, медвежонок, пестун, лоншак: Зверье. Это у уток утяты есь, а у зверей дети – **зверье**; **Пестуны-сосуницы** [медвежата]. Я их добывал вочень много. Это дамно было уже, по молодости; Прошлогодний медвежонок **пе'стун** называется; **Лонша'к** – это скажем прошлогодний теленок, лосенок, **медвежонок**; Медведей четверев убивал. **Шиэненка** последнего; Приходилось убивать две матки со **шшенятами**;

– еду: медведь, ведмедь, медмедь, медовицик, муравейник, муравинник, муравятник, муравьед, муравей, муравейный зверь: **Медовицик**, он задирает скотину; У нас медведи двух сортовые. Есть с ошейником белым, он по-особому называется. Но они, говорят, совсем безвредные. **Муравейники** их называют, вот как; А **медведя** один недавно убил, пасечник он. **Медведь** у его пасеку разорял, ну тот и подкараулил; **Россомаги** раньше были, **ведмеди**;

– деформацию стопы: **косолапый**: У нас-то зайцы, барсуки, медведи, его **косолапым** называют, берлоги делают. В русских народных сказках прилагательное косолапый является постоянным эпитетом медведя;

– поведение: **шатун**, бродяга, блудня: **Бродит** по лесу медведь, не **шатун**, а **бродяга**, **блудня**;

– цвет: **черный зверь**: Есь медведь муравьед. Он маленький, а сердитой. Тоже **черный**, есь <сбура'>.

Наряду с номинациями, которые «высвечивают» какие-либо характеристики медведя, в исследуемом материале встречаются также следующие особенности, определения:

– медведь – опасное, хищное животное: *Вот в январе у нас убивали в Карона'ке. Он тоцо'й, прехудой. Убили его, и страшно там. Это хи'чный,*

значит, зверь, который бродя'жий не во время ляжет, вроде это значит хи'чный зверь. **Вредный это, самый вредный и опасный; Вот это называют шатун, он очень злой, его потревожили и он идет на смерть. Тогда его обязательно надо убить, чтобы не натворил никаких бед; Вот случай из охоты. Медведь мужика съел. Пришел медведь в крайнюю избу, там Микита Исаич жил. <...> Съел он его, сердце здесь выел. В общем, съел этого мужика, ободрал и ушел; Он скот-то задира'т. Одно время сколько телят задрал;**

– медведь – млекопитающее животное: Медвежи'ха лежит на телеге, на дро'гах, ну можно было ее положи'ть. Мы посмотрели, у нее груди как у нас! Да, честно! Бун'ка такая же. Она кормила вот медвежонка, гру'ди такие вот, две груди', так вот, как у нас, не так, как у собаки бывает;

– медведь – крупное животное: Он взаднятки' да взаднятки', да в побег. Он побоялся: **шибко огромный медведь; Если от я его убил шестьсот килограмм, а че я с ним сделаю, я его перевернуть не мог. <...> Ну и пошел в избушку, оттуда позвонил, утром прилетели все. Все, разделили впятером;**

– медведь – хитрое животное: медведь ведь он такой хитрый', он тоже следит, и след запутыват, петли делат; **Ить медведь тоже хитрый. Вот когда охотники охо'тничают, идут за ним, вот он прошел и чу'хает, что за ем это, он уже круг дас[t] и вза'ди их идет. Они гонят по его, а он уже выйдет за ими. И идет там. Ну если почувствовал, что – ага, так напо'рно идут с соба'кими, он будет за ими надыха'ть вслед. А если чувствует, его так преследуют, он постоит и отправился; За медведем летом при собаках хороших охотятся. Он хитрый и увертливый. В берлогах живет; Они всю жись исстари живут. Они рядом с нами – мы их не видим. Самый хитрый зверь: он собаку обманет. Так-то. Медведь – это... Лучше не встречаться;**

– медведь – животное, вызывающее испуг, страх: Короче пошли мы с дядей Мишей с этим, а у него нету одной ноги, он инвалид, вот у меня два родственника, оба инвалиды, с войны пришли, без ног, без одной ноги. Ну и короче он к костылю привязывает корзиночку, и за грибами на горку, ну скок тут, с кило'метр, дальше не ходили мы. <...> **У меня все сжалось, я тихонечко, ну а дядь Миша наверно метров пятнадцать от меня. Я [шепотом]: «Дядь Миша, там медведь». – Он: «Где?» А я говорю: «Вон, смотри, вон он». Короче я бежал, пацаненок, на двух ногах, а дядь Миша от меня на костылях не отставал; ...Медведь вспорхнул и пошел. Мы давай колотить об корзинки, а тетка испугалась, трясей трясет; Медведь, он как больша' свинья, такой же. Люди-то здесь боятся, ши'бко, лугоски'-то;**

– медведь – животное, обладающее разрушительной силой, мощью: А медведя один недавно убил, пасечник он. **Медведь у его пасеку разорял, ну тот и подкараулил. А убил он его за пасекой...; А там случа'и были, что двери медведь сломал, залазил туды' в эту избушку и... Шатун там и вся'ки там были; Медведь ежели, где побли'жности появится, то напакостит. Скот разгонит или еще че; Раз медведь все лопаточки заломал, хотел мужик один ему язык отрезать да не успел, так он все ему**

поковеркал. Он и ружье выбил ему, а нож мужик не достал. Он и помял ему сала'зки. Ну это ску'ла так называется по-нашему. Медведь он то'ко покалечит и идет дальше;

– медведь – быстрое животное: *Главно, говорят, если встретишь медведя, не отводи взгляда, он ишиш не трогат, стреляй. А если отведешь в сторону, то конец, он быстрый. Отец рассказывал, что ишишковал он как-то по осени. Набрал ишишек и ночевать собрался, костер развел, а медведь заскочил на коня и драсть. Отец на него с огнем, медведь на дерево. Отец в него головошками кидать. Медведь прыгнул, да на землю быстрее веток пал. Во каки' они быстры;*

– медведь – животное с хорощим, сильным обонянием: *Они человека за километр чуют, хотели бы всех приели; Зверь, он самый чует далеко. Если вот, допустим, такими руками возьмись, он уже чует. Не подойдет, ага, они специально руки мажут пихтовым маслом, вот или примерно такой есть, как бы запах чтобы не чуяли;*

– медведь – хорошо плавающее, лазающее животное: *Смотрим – медведь плывет. А они это, шли, на... и вышли к Кети. И он понял, что тут люди работают, это самое, поселение. И он решил на ту сторону уплыть; Ножа не было близко, он через меня перескочил медведь, я его беседкой по'боку. Он, говорит, только сфыркал. Ха-ха-ха. Так он, как осетришка, водой там все затопило, дак он и выплыл оттуда; В сентябре роет берлогу и лежит. Че ес? Летом скотину задавит, питатся ягодой, ишишкой. На кедру' залазит;*

– медведь – умное животное: *Медведь, что человек, ум у него есь.*

В сочетании со словом «медведь» в качестве его действий выступают следующие глаголы: *блудить, бродить, бегать, выходить, жрать, задрать, сломать, заломать, залазить, искалечить, гурмовать (= издеваться), заблажить (= растерзать), забузовать (= зашуметь, произвести беспорядки), выскочить, пакостить, переплыть, прыгнуть, разгонять, разорять, реветь, рвякнуть, сожрать, убить, хватануть, шататься: Медведь гурмова'л, гурмова'л надо мной, потом опеть нача'л издеваться; Видал медвеу. Идет с двумя ребятишками, ревет; Медведь ежели, где побли'жности появится, то напакостит. Скот разгонит или еще че и мн. др.*

В имеющемся материале отражается также представление о медведе как тотемном животном, страх перед которым выражался в определенных ритуалах во время охоты и разделывания туши: *...тода его, я не знаю, как зимой, а летом если убьют, передни лапы обрезают, задни кладут, если задни лапы вперед, яму выкопат, а передни назад кладут ему, как его закапываешь. Вот так вот делали. А почему, вот это я не знаю.*

В традиционной культуре хорошо изучены поведение, особенности этого животного и наряду с отмеченными выше характеристиками в представлениях о медведях включаются также:

– повадки медведей: *В прошлом го'де по нашему огороду проходил шатун. А за ним охотники гнались. Вот это называют шатун, он очень злой, его потрвожили и он идет на смерть. Тогда его обязательно надо*

убить, чтобы не натворил никаких бед; **Голодный медведь не ложится на спячку, а ищет жертву. Он как бы шатается, по лесу ходит.** Это опасный медведь, он злой; **Медведи выходят, когда непогода; Ходит он большие в лесу. Все лето ходит, до сентября месяца. В сентябре роет берлогу и лежит;** Чичас их мало – народ везде в тайге, трактора' трещат, машины ходют – **они и в глушь-то уходят, все звери глухо' место ищут;** На полях замечает, когда проходят медведи и медведицы с детьми. [Не нападают?] Не-а, так никто не трогает их. **По первости пасеки подламывали. Придут, разобьют улья, а щас не слышать как года три уже. У них старых поубивали, а молодежь ешо не дошла. А вчера передавали в Томском районе опять пасеки нача'ли медведи, отстреливать;**

– поведение медведя при встрече с человеком: **Медведь по лесу ходит на четырех лапах. Когда встречаешь медведя, он становится на задние лапы;** Медведь, он сразу на человека не бросается. Он перед тобой сначала на дыбы становится, на задние лапы значит. Потом ему нужно замахнуться, он лапу отводит; Медведь, он человека ударом сбивает; **Сын шел по согру и встретился с медведем, тот и помял его. Он вничку лег, тот его повалял, помял, а не съел, сытый был;** Ой, я говорю, ну что, животные, они тоже понимают, и тоже жалко их. **Медведь он тоже не тронет. Сейчас вот он сыт, это когда нет ничего в лесу, тогда они ходют по деревне, конечно, и забирают скотину;** **Его не трогают, и он пошел. А если его заметили уже, стрелили, так он злой тогда. Тут уж он дает. Тут ветки все схватит зубами и лапами, излома'т, идет злой;**

– поведение человека при встрече с медведем: **От по ягоду приедем, знаешь, идем вот только, только от ро'су сгонит. Ну а тут, знаешь, сразу начнешь реветь, да ведра'ми стучать, какой тут медведь;** **Вот как сейчас помню, женщины вышли, кто в ведро стучит, кто в этот, в тазик... [хлопает в ладоши];** Как в тайгу заходим, чтобы медведи... **ходишь по ведру палочкой, и начинают старушки эти стучать, стучать.** «Эээ»: **кричат. Вот;**

– внешний вид медведей: **У медведя все лапы одинаковые, все четыре лапы. Медведь зимой большие моховатый, летом он бедный; Медведь переташы'л туда уже, и около этого я подошел, эти ма'леньки сле'дья, у его же как у человека же лапоть-то. [Да?] Да-а. У медведя. Все так же: пальцы, все же так, и эти, передние же это...;**

– чем питаются медведи: **Малину-то уважают. Мед оне' любят; Медведь свежеего не будет ись;** **Медведь, он любит кедровый орех, и притом он любит вочень падаль, вот скотина пропала и он идет на падаль. Но он бестолко'вый. Он по сучьям взбирается на саму вершину. А у кедры' на вершине са'ма кру'пна шишка. И вон встает на за'дни лапы и грызет между задними и передними и падает, летит. При своей жизни я видел, он упал и уже провонял; Че ес? Летом скотину задавит, питатся ягодой, шишкой. На кедру' залазит; медведь показывается, когда смородина родится. Он тоже ведь не отказывается;**

– особенности охоты на медведей: Папа за медведя'ми с ружьем ходил. Он [медведь] прячется, сделает яму и сидит там. Жар идет из земли – значит, медведь там. Папа такой смелый был. С той стороны ямы бревно заложил, он с другого боку выходить будет. Ее стрельнули и на тебе медвежье мясо; Медведей ловили петлями металлическими и еще ловушки ставили. У нас их «кулемами» называли. Кулема – это такая загородка трехстенная из крупных кольев. И покрывалось все это сверху бревнами. В середину корм подвешивали. Медведь срывает корм, и бревна его придавливают и др.

Встреча человека с медведем в лесу – это особая тема в диалектном повествовании, которая зачастую оформляется с помощью речевого жанра рассказа о случае:

– Случай с моим старшим братом был. Я ешио мала' была. Пошли они как-то в ягоды. Он среди их самый меньший был, те ему и говорят: мы, значит, пойдем, а ты оставайсь, если медведь подойдет, ты костер разложи и головней бей об дерево, он и уйдет. Ну ладно, оставили Михаила [брата] одного, а сами пошли. Михаил ждатель-пождатель, а их все нету да нету. Разложил он костер, смеркаться стало, да туман еще над землей встал. Страшно-то ему делается. Всего ему десять али двенадцать годко'в было, как не испужаться. Вдруг слышит – кусты трещат-трещат. Он за палку, хворостьев в костер подбросил – все че было – все в костер сразу побросал. Видит, будто бы копна какая че ли, на его надвигается. Медведь это к нему подошел, Михаил палку горящу-то в его и кинул, а тот как ря'вкнет! Как ря'вкнет – то'ко гул по' лесу пошел – и повернулся от Михаила да и пошел. Тот стоит ни жив, ни мертв, ни рукам пошевелить не может, ни шагу ступить. Эдак минут пятнадцать он стоял, а после как пласт шлепнулся, да как сам заорет – почище медведя. Друзья его прибе'гли тут с ягоды, а он сидит и плачет. Вот каки дела раньше творились;

– Я в поле рожь жала да пошла не в домашнюю сторону. <...>Я день жала и не думаю бояться, на виду весь сор, все люди. Он, этот зверь, накануне на старушку выходил. Как зашумело по бугру, а он катит во весь галоп. Я кричать: крика они боятся. В руке был ту'ес, а я еще вперед прошагала. Медведь сидел, а сороки слетаются, а я сознание не потеряла. Он сидел чудочек боком, от самого хвоста шерсть дыбо'м встала. Когда он от меня свернулся, я на тын, полезла на ель, а за речкой лошади стояли, а впереди недалеко деревишка, поля через два хороших. Лесом я не пошла обратно, а когда я кричала, бабы мужиков гнали помогать, или уголовицики, или зверь. Я так кричала, что от страшного охрипления говорить не могу.

В подобных рассказах о случае – о встрече с медведем – проявляются такие особенности диалектного повествования, как событийность и антропоцентричность, именно диалектное повествование «тяготеет к фабульности, событийности, а в центре событий обязательно стоят люди, и в диалектном повествовании действия, состояния, оценки участников ситуаций и их высказывания не уходят на периферию, а, напротив, образуют тема-

тический центр...» [30. С. 5]. В приведенных контекстах детально описываются появление медведя, поведение человека в этой ситуации, поведение медведя при встрече с человеком. При этом такие рассказы о случае зачастую сопровождаются передачей знания о медведях собеседнику: *...если медведь подойдет, ты костер разложи и головней бей об дерево, он и уйдет; Я кричать: крика они боятся*. Важным, на наш взгляд, для информантов является показать сопричастность к событию: *Случай с моим старшим братом был*.

Е.Н. Бондаренко при исследовании концепта «Русский медведь» на материале российских СМИ отмечает, что в русской языковой картине мира этот концепт связан, прежде всего, с созидательной силой, это дружелюбная сила, отличающаяся мощью и приветливостью, однако ужасающая своей неконтролируемой властью, неограниченная сила, характеризующаяся неудержимостью [1. С. 86–87]. Н.Г. Тренина, указывает на то, что в русском «фольклоре, сказках и анекдотах медведь традиционно воспринимается как глупое и нерасторопное животное, а часто предстает очень симпатичным и безобидным зверем, как символ Олимпиады-80 или Винни-Пух из известного мультфильма» [2. С. 119]. В нашем же материале медведь – это прежде всего хищное животное, вызывающее страх, обладающее разрушительной силой, хитрый, быстрый зверь, способный убить человека. Соответственно, наблюдается варьирование представлений о медведе в общерусской и диалектной культуре.

Образный слой концепта «Медведь». В исследуемых текстах встречается метафорическое употребление лексем *медведь* / *медведица*.

Описание образного слоя концепта подразумевает выявление образного употребления лексической единицы «медведь» и ее дериватов, а также метафорических моделей, которые репрезентируют концепт и включают два компонента: единицу, называющую сферу-источник, и единицу, называющую сферу-мишень. Использование методологии теории концептуальной метафоры видится в данном случае продуктивным, поскольку в исследуемом материале встречаются концептуальные метафоры – «когнитивные схемы аналогического уподобления и интерпретации явлений одной понятийной сферы в терминах другой» [28. С. 29].

Медведь как сфера-источник образных интерпретаций представлен в некоторых метафорических номинациях человека.

Так причинами называния человека медведем становятся в основном его характер и поведение. Медведицей, медведкой, Аксиньей называют сердитую, угрюмую женщину: *Обратилась бы к соседке, а она такая медведка, все хмурится. Ну ее!; Медведица - Аксинья, ну ты вишь, как она разговариват: все в укол, в укол. Она сердита шибко*. Такое переносное значение слова «медведица» отсутствует в литературном языке, о чем свидетельствуют толковые словари русского литературного языка [31]. Медведем, зверем называют мужчину из-за жестокости, грубости, злости сравнивают его с хищным животным: *Буян – как зверь (медведь) жену избивает; Зверовать – зверя' битъ. Зверя – медведя', лося'. Это самые опасные*.

Еще на человека потому и говорят – озверел, стал как зверюга ужасный. Злой, оскаблился, глаза выпучил зверские. Или дверью начал стучать, или на жену бросаться – озверел точно. <...> Мужики – они все звери. Размер медведя, его сила также ложатся в основу номинации человека: Как медведь vorочаю все. Бревна, – говорит, – буду таскать и все будет хорошо. Место проживания (лес, тайга), черты характера человека становятся основанием для сравнения человека с медведем: Вот ешо, в тайге все время живет. Вот всю жизнь как медведь. Ха-ха.

Такие номинации человека репрезентируют метафорическую модель: «Человек – это медведь (зверь)» и шире «Человек – это природа».

Кроме человека медведицей, как и в литературном языке, в диалектной речи называют одно из созвездий: *Медвежица кака'-то на небе; Звезды так и зовем Большая Медведица; Ковш, медведица. Метелка – звездочки в кучке.*

Метафорические единицы используются и для номинации реалий природного мира.

Так, метафорическая номинация толокнянки – *медвежьи ушки (ведмежи ушки)*, скорее всего, возникла вследствие подобия листьев этого растения по форме с ушами медведя: *Ведмежи ушки растут. Толсты таки, блескучи листья, как воском облитые. И от мочевого пузыря хорошо, и от воспаления.*

Словами *медведка, медведок* номинируют грызунов, живущих под землей, слепышей, уподобляемых по цвету шерсти маленькому медведю [16. С. 118]: *А ешио медведок есь – это крот земляной, маленький такой; Я взяла эту кринку, воды туды и поставила. Утром прихожу, а там у меня земляной медведок. Я кринку – под берег, и медведка – под берег.*

В литературном же языке медведкой называют: 1. Насекомое отряда прямокрылых, с покрытым короткими бархатистыми волосками телом, живущее в земле и являющееся вредителем сельскохозяйственных культур. и 2. Проф. 1. Обрубок толстого дерева, вкапываемый в землю на берегу сплавной реки для укрепления запани. 2. Двуручный плотничий струг для грубой обработки бревна. 3. Низкая телега, дроги на катках для перевозки больших тяжестей [31].

Наряду с реализацией метафорических моделей, отражающих медведя как сферу-источник, в исследуемом материале встречаются контексты, репрезентирующие медведя как сферу-мишень. Необходимо отметить, что примеры таких метафорических моделей в исследуемом материале единичны. Основными признаками, которые подвергаются образной интерпретации, являются размер медведя и его поведение.

Так, находит воплощение метафорическая модель, обратная рассмотренной выше: «Природа (медведь) – это человек», реализуемая в сравнении медведя с негодяем и характеризующая это животное по его повадкам: *Слушайте, – говорит, – не кричите: негодяй стоит.*

Характеристика медведей по росту, весу, размеру воплощается в модели «медведь – машина»: *На медведя идти смелость надо. Это, ведь, вон*

какая *машина!* Цуть где и не будет охотника да хозяина в доме. А это, ведь, ой трудно как! Замотаеся одна.

Аксиологический слой. Большое количество материала повествует об охоте на медведей, что имеет утилитарное значение.

Так, на медведей охотятся с целью добычи мяса (медвежатины), которое употребляется в пищу: *Ну, медведя мы не ели. А теперь едят, а тогда не ели; Ее стрельнули и на тебе медвежье мясо. Медведь как-то сюда пришел. Папа собрался и давай его гонять. Мясо вкусно было. Мама положит его в чугунок, посолит, спе'ци разны и в большую русскую печь. А раньше русская печь была. Большая – с комнату. И все в ей делали. Мясо сделается – ну! там пальчики оближешь; Мясо не всегда вкусное. У которых вкусное, у которых нет; Молоденькая медвежатина – хорошая.*

Медвежье сало используется в лечебных целях, в народной медицине: *В позапрошлый год здоровый был он. От туберкулезу сало помогало; Сало полезное. Сало то'пют, в печи то'пют.*

Вместе с пользой информанты отмечают и возможный вред: употребление медвежьего мяса в пищу может быть опасным для здоровья человека: *Проверять, проверять его надо: они все сальминиллезные почти. Да, от как известка упала на пол, капнула и как застыла от это, такие струйки – от такая штука в мясе. Человек неизлечим, так что с ним осторожно надо. [Вы проверяете? Какие-то свои способы есть?] В ветлечебницу. Сердце и это, печень несешь, все. Если он там заразный, мы его из тайги не вывозим, пока не узнаем. Я его брошу там. Зачем он? Зачем его трудиться таи... тащить сюда?*

Охота на медведей осуществляется и в целях добычи шкуры, которая используется в интерьере или для пошива одежды: *Шкуры от медведя хороши были. Я видела, их на кровать сте'лют, на по'л; Маленькая шкура [медвежья] у нас была под ногами, а большу'ю продали вроде; Медвежьи шкуры делали – можно доху сшить – будешь как медведь ходить. Добытые шкуры медведя продавали, они являлись денежным эквивалентом, их обменивали: Мы их шкуры продавали; Сами обдывали шкуры, государству сдавали. А медвежьи шкуры размером мерят, недорогоя она, в среднем рублей пятнадцать. Щас запрещено хищных бить.*

В указанных контекстах и располагаемом нами материале информанты отмечают некоторые трансформации, соответственно, можно проследить динамику концепта «Медведь».

Во-первых, отмечается изменение номинации животного: *то вообще раньше было, большинство зверем называли, а щас большинство медведем.*

Во-вторых, информанты указывают на то, что в связи с механизацией ручного труда, появлением машин медведи реже выходят в деревни при наличии шума: *А теперь не выходят медведи в деревни. Счас-то машин сколь. Трактора' шумят. А по бору шум далеко расходится, они и боятся шуму-то. Вот с тех пор и не слыхали про таки' случайности; Щас пишут ученые, что экспедиции приходят, зверь уходит, а куда уходит – везде народ стал, везде машины стали. Куда ему, бедному, податься? В тундру.*

У нас в основном водится лось, медведь показывается, когда смородина родится; Медведей, их было много вочень, щас их меньше стало.

Социальные, демографические факторы (увеличение численности населения), по мнению информантов, привели к уходу медведей: *Населения большие стало, зверь как-то ушел. Медведя убивали как случайность.*

Наряду с указанными факторами следует отметить антропогенные и естественные факторы: вырубку лесов, стихийные природные явления (наводнения), пожары, возникшие вследствие действий человека и вызванные естественными причинами (например, молниями), которые влияют на уход медведей: *Медведи... один год, это наверно где-то сорок шестой год, что ли, горела тайга в Красноярском крае. И медведи шли в нашу сторону...; У нас те года зверья было, а сейчас затоплено, уходит, что ли.*

Отмечается введение запрета на незаконную охоту на медведей, штрафов за убийство медведей: *Мой-то дед сорок одну штуку убил, эт за всю свою жизнь. Щас-то они запрещены.*

Таким образом, концепт «Медведь» как концепт природного мира, функционирующий в говорах Среднего Приобья, обладает хорошо разработанными понятийным, образным и аксиологическим слоями. Это значимый фрагмент диалектной картины мира. Он не является концептом сугубо крестьянского мира, однако в диалекте имеет свою специфику. В говорах Среднего Приобья по сравнению с литературным языком существует более развитая система номинаций медведей, обладающая большим количеством лексем. Анализ концепта показал варьирование представлений о медведе, стереотипов о нем в диалектной и общенациональной культуре. Так, в отличие от литературного языка, фольклора, в которых медведь может рассматриваться также как доброе, глупое, нерастопное животное, в диалектной речи медведь – хищный, небезобидный зверь, умное, быстрое животное, представляющее опасность для человека, обладающее разрушительной силой. Образной интерпретации в основном подвергаются поведение, внешний вид и размер медведей. Выявлено, что в диалекте существуют переносные значения у слов, которые или отсутствуют в литературном языке (*Аксинья, медведица – сердитая женщина*), или имеют другие значения (*медведка*). Характеристики, признаки медведя в крестьянском сознании укоренились прежде всего вследствие личного опыта человека, встречи с этим зверем, охоты.

Литература

1. *Бондаренко Е.Н.* Лингвокультурный концепт «Русский медведь» как способ самоидентификации личности в условиях глобализации // Патриотизм как объединяющая национальная идея. Столетию Великой российской революции (от свержения самодержавия к образованию СССР) посвящается : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. 2017. С. 85–89.
2. *Тренина Н.Г.* Русский медведь: культурные стереотипы о России как прием международной политической риторики // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 2. С. 119–126.

3. *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты и метакоцепты : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 323 с.
4. *Кошкарлова Ю.А.* Архетипический образ медведя в духовной культуре народов России : автореф. дис. ... канд. культурологии. Краснодар, 2010. 22 с.
5. *Скрябина А.А.* Концепт «Эһэ/Медведь» в якутской языковой картине мира // Лингвокультура и концептуальное пространство языка. Сер. «Концептуальный и лингвальный мирь». СПб., 2016. С. 207–212.
6. *Лаццари М., Тюрина З.С.* Лингвокультурологический анализ компонента-зоонима «Медведь» в русской и итальянской национальных языковых картинах мира // Филологический аспект. 2018. № 7 (39). С. 115–123.
7. *Шомахова Т.М.* Лингвоконцепт «Медведь» в разносистемных языках // Вестник Пятигорского гос. лингв. ун-та. 2009. № 2. С. 198–200.
8. *Кудряшова Р.И., Колокольцева Т.Н.* Названия медведя и медведицы в русских говорах // Лексический атлас русских народных говоров: (Материалы и исследования) 1997. СПб., 2000. С. 47–53.
9. *Костючук Л.Я.* Информативная значимость диалектной лексической карты в конце XX века // Лексический атлас русских народных говоров: (Материалы и исследования) 1998. СПб., 2001. С. 39–46.
10. *Варзина Н.П.* Диалектное слово в аксиологическом аспекте на материале ЛСГ «Медведь» в говорах Ивановской области // Лексический атлас русских народных говоров: (Материалы и исследования) 1995. СПб., 1998. С. 136–138.
11. *Поповичева И.В.* О представлениях и верованиях, сохранных тамбовскими диалектоносителями // Лексический атлас русских народных говоров: (Материалы и исследования) 2001–2004. СПб., 2004. С. 328–332.
12. *Уткина А.С.* Лексика охоты на медведя на материале архангельских говоров (социолингвистический аспект) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014. СПб., 2014. С. 635–639.
13. *Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби. 1964–1983.* URL: <http://losl.tsu.ru/dialect-dictionary> (дата обращения: 20.10.2019).
14. *Вершининский словарь.* Т. 3 : И–М. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 348 с.
15. *Полный словарь диалектной языковой личности / авт.-сост. Т.Б. Банкова, О.И. Блинова, К.В. Гарганеева и др. ; под ред. Е.В. Иванцовой.* Т. 2: И–О. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 338 с.
16. *Словарь образных единиц сибирского говора / авт.-сост. О.И. Блинова, М.А. Толстова, Е.А. Юрина ; под ред. О.И. Блиновой.* Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 220 с.
17. *Земичева С.С., Иванцова Е.В.* Проект создания Томского диалектного корпуса в свете тенденций развития корпусной лингвистики // Сибирский филологический журнал. 2018. № 3. С. 192–205.
18. *Гынгазова Л.Г.* Словарь диалектной языковой личности как отражение концептуализации мира // От словаря В.И. Даля к лексикографии XXI века. Владивосток, 2002. С. 136–146.
19. *Гынгазова Л.Г.* Ценностная картина мира диалектоносителя: к проблеме лакунарности // Лакунарность в языке, картине мира, слове и тексте. Новосибирск, 2009. С. 115–122.
20. *Демешкина Т.А.* Мир природы в зеркале диалекта (на материале среднеобских говоров) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 62. DOI: 10.17223/19986645/62/6
21. *Волошина С.В.* Репрезентация концепта «Сибирь» в автобиографических рассказах томских крестьян // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 47. С. 28–38.
22. *Демешкина Т.А.* «Ссылка» как феномен сибирской лингвокультуры // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 56. С. 34–46.

23. Иванцова Е.В. Концепт *хлеб* в дискурсе диалектной языковой личности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 56. С. 47–64.
24. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
25. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
26. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387–415.
27. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. 238 с.
28. Резанова З.И. Обратимые метафорические модели: семантико-функциональная асимметрия (статья 1) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 2 (18). С. 29–43.
29. Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. 2-е изд. М.: Наука, 2016. 460 с.
30. Гольдин В.Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2009. Т. 9, № 1. С. 3–7.
31. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2014.

Representation of the Concept “Bear” in Dialect Discourse

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 65. 30–46. DOI: 10.17223/19986645/65/2

Svetlana V. Voloshina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: vsv1304@yandex.ru

Keywords: concept, dialect discourse, bear, dialect communication, Middle Ob dialects.

The study is supported by the Tomsk State University Competitiveness Enhancement Program, Project No. 8.1.05.2019.

The article describes the verbalization of the concept “bear” in dialect discourse. The material of the study is texts recorded in 1946–2019 in the regions where Middle Ob dialects are spoken. A concept is a unit of thinking, which is represented by means of language and reflects features of culture. The method of analysis is based on the consideration of conceptual, figurative, and axiological layers in the structure of the concept. Also, when describing the figurative layer, the methodology of the theory of conceptual metaphor and its terms are used. The concept “bear” is not a concept of a peasant world, but it has its features in dialect. More words for nomination of the concept “bear” are used in the Middle Ob dialects in comparison with the standard language. Among the units that verbalize this concept, there are words that call a bear: *bear, beast, taliped, Mikhail Ivanovich, black beast, the owner of the taiga*, etc., and words associated with hunting or its existence: *hibernation, den, Siberia*. The bear is characterized as a dangerous, rapacious, mammal, large, fear-inducing, fast, possessing destructive power, well-swimming and climbing, cunning, intelligent animal with a good, strong sense of smell. The concept “bear” also includes knowledge about its habits, human behavior when meeting it, bear’s behavior when meeting with man, the way it looks, its nutrition and the specificity of bear hunting. There is a metaphorical use of the lexeme *bear* in the analyzed texts. The bear acts as a source domain and as a target domain of figurative interpretations. A person can be called a bear mainly because of the peculiarities of one’s character, appearance and behavior: *I would turn to a neighbor, but she is such a bear, she always scowls; He lives in the taiga all the time; his entire life just like a bear*; and the realities of nature and the surrounding world also can be called in a such way because of formal resemblance: *Bear ears (bearberry) grow. With thick, shiny leaves, like poured over with wax; We call the stars the Big Bear (Big Dipper)*. A large amount of material tells us about bear hunting, which has a utilitarian value: bears are hunted for meat, skin, and medical purposes. The analysis of the

concept showed a variation of ideas about the bear, stereotypes about it in dialect and national culture. In contrast to the standard language, folklore, in which the bear can also be considered as a good, stupid, and haveless animal, in dialect speech the bear is a rapacious, harmful beast, a smart, fast animal with destructive power, a danger to humans. The behavior, appearance and size of the bear are main subjects of figurative interpretation. It has been revealed that dialect has figurative meanings for words that either do not exist in the literary language, or have other meanings. Characteristics of the bear in the peasants' consciousness have taken root primarily as a result of man's personal experience of meeting with this beast and hunting for it.

References

1. Bondarenko, E.N. (2017) [The linguacultural concept "Russian bear" as a way of self-identification in the context of Globalization]. *Patriotizm kak ob"edinyayushchaya natsional'naya ideya* [Patriotism as a Unifying National Idea]. Proceedings of the International Conference. Ulyanovsk. 11–12 April 2017. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University. pp. 85–89. (In Russian).
2. Trenina, N.G. (2017) Russian Bear: Cultural Stereotypes of Russia as a Rhetorical Device of Foreign Policy. *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura – Concept: philosophy, religion, culture*. 2. pp. 119–126. (In Russian).
3. Slyshkin, G.G. (2004) *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty* [Linguistic and Cultural Concepts and Metaconcepts]. Philology Dr. Diss. Volgograd.
4. Koshkarova, Yu.A. (2010) *Arkhetipicheskiy obraz medvedya v dukhovnoy kul'ture narodov Rossii* [The Archetypal Image of a Bear in the Spiritual Culture of the Peoples of Russia]. Abstract of Culturology Cand. Diss. Krasnodar.
5. Skryabina, A.A. (2016) The concept of a bear in the Yakut language picture of the world. In: Morozova, O.N. & Pimenova, M.V. (eds) *Lingvokul'tura i kontseptual'noe prostranstvo yazyka* [Linguistic Culture and the Conceptual Space of the Language]. Saint Petersburg: Pushkin Leningrad State University. pp. 207–212. (In Russian).
6. Lazzari, M. & Tyurina, Z.S. (2018) Linguistic and cultural analysis of the component-zyonym "bear" in Russian and Italian national language pictures of the world. *Filologicheskyy Aspekt*. 7 (39). pp. 115–123. (In Russian).
7. Shomakhova, T.M. (2009) Lingvokontsept "Medved'" v raznosistemnykh yazykakh [Linguoconcept "Bear" in Polysystem Languages]. *Vestnik Pyatigorskogo Gosudarstvennogo Lingvisticheskogo Universiteta*. 2. pp. 198–200.
8. Kudryashova, R.I. & Kolokol'tseva, T.N. (2000) Nazvaniya medvedya i medveditsy v russkikh govorakh [The names of bear and she-bear in Russian dialects]. In: *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 1997* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and research) 1997]. Saint Petersburg: ILS RAS. pp. 47–53.
9. Kostyuchuk, L.Ya. (2001) Informativnaya znachimost' dialektnoy leksicheskoy karty v kontse XX veka [Informative significance of the dialect lexical map at the end of the 20th century]. In: *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 1998* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and research) 1998]. Saint Petersburg: ILS RAS. pp. 39–46.
10. Varzina, N.P. (1998) Dialektnoe slovo v aksiologicheskom aspekte na materiale LSG "Medved'" v govorakh Ivanovskoy oblasti [The dialect word in axiological aspect on the material of lexical-semantic group "Bear" in the dialects of the Ivanovo region]. In: *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 1995* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and research) 1995]. Saint Petersburg: ILS RAS. pp. 136–138.
11. Popovicheva, I.V. (2004) O predstavleniyakh i verovaniyakh, sokhranennykh tambovskimi dialektonositel'yami [On notions and beliefs preserved by Tambov dialect speakers]. In: *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2001–2004* [Lexi-

cal Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and research) 2001–2004]. Saint Petersburg: Nauka. pp. 328–332.

12. Utkina, A.S. (2014) Leksika okhoty na medvedya na materiale arkhangel'skikh govorov (sotsiolingvistiicheskiy aspekt) [The vocabulary of bear hunting on the material of the Arkhangelsk dialects (sociolinguistic aspect)]. In: *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2014* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and research) 2014]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 635–639.

13. Losl.tsu.ru. (1964–1983) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna r. Obi* [Dictionary of Old-Timers' Russian Dialects of the Middle Part of the River Ob Basin]. [Online] Available from: <http://losl.tsu.ru/dialect-dictionary>. (Accessed: 20.10.2019). (In Russian).

14. Blinova, O.I. (ed.) (2000) *Vershininskiy slovar'* [Vershinino Dictionary]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.

15. Ivantsova, E.V. (2007) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [A Complete Dictionary of Dialect Linguistic Persona]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.

16. Blinova, O.I. (2014) *Slovar' obraznykh edinit sibirskogo govora* [Dictionary of Figurative Units of Siberian Dialect]. Tomsk: Tomsk State University.

17. Zemicheva, S.S. & Ivantsova, E.V. (2018) The project of Tomsk dialect corpus in keeping with trends of corpus linguistics development. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 192–205. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/64/18

18. Gyngazova, L.G. (2002) Slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti kak otrazhenie kontseptualizatsii mira [Dictionary of dialect linguistic persona as a reflection of the conceptualization of the world]. In: *Ot slovarya V.I. Dalya k leksikografii XXI veka* [From V.I. Dahl's Dictionary to the Lexicography of the 21st Century]. Vladivostok: Far Eastern State University. pp. 136–146.

19. Gyngazova, L.G. (2009) Tsennostnaya kartina mira dialektonositelya: k probleme lakunarnosti [The value picture of the world of the dialect speaker: on the problem of lacunarity]. In: Steksova, T. I. (ed.) *Lakunarnost' v yazyke, kartine mira, slovare i tekste* [Lacunarity in Language, Worldview, Dictionary and Text]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 115–122.

20. Demeshkina, T.A. (2019) The World of Nature in the Mirror of the Dialect (A Case Study of the Concept “Swamp”). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology*. 62. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/62/6

21. Voloshina, S.V. (2017) Representation of the concept “Siberia” in autobiographical stories of Tomsk Peasants. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology*. 47. pp. 28–38. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/47/2

22. Demeshkina, T.A. (2018) “Exile” as a phenomenon of the Siberian linguaculture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology*. 56. pp. 34–46. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/56/3

23. Ivantsova, E.V. (2018) The concept “bread” in the discourse of a dialect language personality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology*. 56. pp. 47–64. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/56/4

24. Stepanov, Yu.S. (2004) *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 3rd ed. Moscow: Akademicheskiy proekt.

25. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.

26. Lakoff, G. & Johnson, M. (1990) *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Translated from English. In: Arutyunova, N.D. & Zhurinskaya, M.A. (eds) *Teoriya metafori* [Theory of Metaphor]. Moscow: Progress. pp. 387–415.

27. Chudinov, A.P. (2001) *Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in a Metaphorical Mirror: A cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
28. Rezanova, Z.I. (2012) Reversible metaphorical models: semantic and functional asymmetry. Article 1. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology*. 2 (18). pp. 29–43. (In Russian).
29. Senichkina, E.P. (2016) *Slovar' evfemizmov russkogo yazyka* [Dictionary of Euphemisms for the Russian Language]. 2nd ed. Moscow: Nauka.
30. Gol'din, V.E. (2009) Narrative in Dialect Discourse. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*. 1 (9). pp. 3–7. (In Russian).
31. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2014) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint; Saint Petersburg State University.